

Сальваторе Квазимодо

Стихи ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Беседа в дни молодежного фестиваля у нас в Москве, летом 1957 года, с одним из наших гостей — австралийским литератором, — я спросила, кто его любимые поэты и на каком языке они пишут. В ответ я услышала несколько (совсем немного) имен, среди них был назван и Квазимодо с тем необычным ударением на букве «и», к которому привыкаешь не сразу, но которое оказывается правильным.

Тогда я не думала, что мне и моим товарищам осенью того же года доведется лично познакомиться с Квазимодо, близко узнать его, что мы станем его друзьями, а он — нашим другом.

На встрече итальянских и советских поэтов, организованной в Риме Обществом «Италия — СССР», Сальваторе Квазимодо сразу же привлек к себе наше внимание. Это известнейший поэт Италии, один из лучших питомцев ее Парнаса.

Впрочем, какое бы то ни было представление о Парнасе плохо сочеталось с этим насквозь земным, горячим, быстрым, то раздражительным, то внезапно улыбающимся, уже немолодым сицилианцем.

Мы разговаривали с ним то по-французски, то по-итальянски через переводчика. Но часто понимали его просто так, интуитивно.

Примечательна была мимика Квазимодо, необычайно выразительны жесты: энергичные, резкие, угловатые, настоящие жесты человека из народа, каким он и является. И внезапно — медлительное, почти античное, как на форуме, движение руки, горделивый, «патрицианский» поворот головы.

Еще труднее сочетать с обликом Квазимодо представление о поэте-«герметике».

Странно, непривычно звучит для нашего уха это название литературного течения, требующее отхода от действительности, «герметического» замыкания в себе.

Одно время Квазимодо также числил себя в рядах «герметиков». Именно с этой точки зрения предпочитает рассматривать его творчество буржуазная критика.

Правда, в Италии нам разъяснили, что в черные дни фашизма «герметизм» был даже своего рода прогрессивным явлением, своеобразным литературным протестом. Муссолини требовал воспевания его режима. Поэты отвечали ему демонстративным погружением в свои душевные глубины.

Нам, советским писателям, трудно согласиться с этим весьма ограниченным «бунтом за письменным столом». Однако сейчас не время спорить по такому поводу. Да это в данном случае и не так важно.

Гораздо важнее то, что Квазимодо оказался несовершенным «герметиком». Для того чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть хотя бы те стихи, которые журнал «Иностранная литература» предлагает вниманию своих читателей.

Стихи эти полны жизни, они наполнены ею до краев. Действительность встает здесь во весь рост, держа в руках пылающий факел ненависти к поработителям,

протеста против уродств современного капиталистического строя, преклонения перед доблестью сынов своего народа, любви к родине, к трижды прекрасной Италии.

В стихотворении «Моя страна — Италия» есть удивительная строка, которая может служить эпиграфом ко всему творчеству Квазимодо: «Поэтам не дано забвенья».

Нет, не дано забвенья подлинному поэту. Он помнит многое. Он откликается на важнейшие события в дни мира и в дни войны. Сердце его несет в себе гул эпохи, как раковина — гул океана...

В конце прошлого года Сальваторе Квазимодо получил Нобелевскую премию. На этот раз лавры увенчали действительно достойного.

Вера Иибер.

БРАТЬЯМ ЧЕРВИ*, ИХ ИТАЛИИ

Повсюду веселье — смеются последние трусы,
поэты, которые мир повторяют в мечтах,
какой-нибудь князь или вор от науки
и просто во лжи искушенные люди.
Так и в отчизне моей сегодня смеются
над состраданием, и над мужественными сердцами,
и над одинокой печалью бедных.
А ведь наша земля богата людьми и природой,
мученичеством своим, изваяниями из камня,
картинами, размышлениями древних.

С видом оценщиков здесь иноземцы небрежно
пальцами тычут в святых и в реликвии наши,
вином запивают лесть под яркой луной побережий,
на королевских гитарах песням вулканов старых
аккомпанируют. С давних времен
они появляются здесь, потрясая оружием,
со склонов съезжают в мирные наши долины.

В нежной ночи Полифем безутешно плачет,
мореходом с далекого острова ослепленный.
И ветви оливы — в извечном серебряном пламени.

Вот и у нас делят в мечтах природу,
одевают усопших, смеются, ссорятся в семьях.
Иные были со мною в пору стихов о любви,
об одиночестве, в пору неясной боли,
вызванной неторопливым жерновом жизни.
В сердце моем закончилась их история,
когда покачнулись деревья и стены
под гневные стоны ломбардского города.

Но я продолжаю писать о любви,
вот и сейчас я сижу над любовным посланьем
отчизне моей. Обращаюсь я к братьям Черви,
не к семерым отличительным звездам Медведицы,
а к семерым эмилийским крестьянам.
Немногие книги были у каждого в сердце:
вытянув молча жребий любви, братья погибли.

* Семь братьев Черви, героически сражавшихся с врагом в рядах итальянского Сопротивления, были расстреляны гитлеровцами в городе Реджо-Эмилия.

Не знали солдаты, философы и стихотворцы
о таком гуманизме в людях крестьянской породы.
Рядом с любовью — смерть в могиле, укрытой туманом.

Хотелось бы каждой стране иметь вас как силу свою
и совесть —
не для поминания, но для плетущихся дней
запоздалой истории, быстрых кровавым оружием.

ОСВЕНЦИМ

Любимая,
на северной равнине,
вдали от мирной Вислы — лагерь смерти,
Освенцим: пляшет погребальный ливень
по ржавчине столбов и переплетов
колючих заграждений. Никаких
деревьев или птиц на сером фоне,
вне наших мыслей — только неподвижность
и боль, которую вверяет память
глубокому безмолвию сознания.

Элегий ты не признаешь, не хочешь
идиллий, но тебя интересует
все связанное с нашею судьбой.
Чувствительная к внутренним контрастам,
теряешь ты уверенность при встрече
с действительностью.

Вот она, реальность,
где в каждом «нет» уверенность такая!
Не то что ангел, зверь, и тот заплачет.
А будущего нашего часы
уже стучат в потустороннем мире,
что здесь находится, но наяву,
а не в мечтах о близком избавленьи.
Здесь оживают мифы, оживают
метаморфозы — правда, без божеств
и символических имен героев:
ведь это хроника, земное место,
ведь это все Освенцим, дорогая.
Одно мгновенье превратило в тени
влюбленных Арегузу и Алфея*.

Над этой преисподней, где при входе
начертано «Освободит вас труд»**,
не растворялся дым сожженных женщин:
их выволакивали из барачков
и на плацу расстреливали утром,
их, задыхающихся, заставляли
зывать о милосердии, когда
они под газовым стояли душем.

* Арегуза и Алфей — герои «Метаморфоз» Овидия, превратившиеся в подземные ручьи, которые берут начало в Греции и выходят на поверхность в Сицилии.

** При входе в гитлеровские концлагеря висела провокационно-издевательская надпись: «Arbeit macht frei» — «Освободит вас труд».

Ты без труда, солдат, отыщешь их,
 принявших образ рек или животных,
 в истории твоей, но, может быть,
 и ты — частица праха безымянных
 Освенцима, безмолвия медаль?
 В стеклянных урнах — девичьи прически,
 которые хранят, как амулеты,
 последние заколки, в этих урнах
 горячий пепел детских башмаков
 и старый шарф еврея. Это все —
 реликвии времен благоразумья
 и мудрости двуногих, полагавших,
 что власть оружия всеильна, это —
 метаморфозы наши, наши мифы.

Здесь, на равнине, где любовь, и плач,
 и жалость изнывали под дождем,
 голосовало сердце против смерти,
 убитой здесь, в Освенциме, однажды,
 чтоб никогда она не возродилась
 из праха этих скорбных мест.

Перевод Евгения Солоновича

СОЛДАТЫ ПЛАЧУТ В НОЧИ

И креста, и молотка с Голгофы,
 И святых воспоминаний детства
 Мало, чтобы раздавить войну.
 Ночью перед самой смертью
 Сильные солдаты плачут
 У подножья слов, давно известных,
 Выученных в годы мира.
 Многими любимые солдаты...
 Слез безымянные потоки...

ПОЧТИ ЭПИГРАММА

Трактирный клоун — печальный, цыганистый,
 вдруг выходит из своего угла
 и созывает на представление.
 Он сбрасывает пиджак
 и в одной красной фуфайке,
 выгнув спину,
 зубами, как собака,
 хватает грязный носовой платок.
 Бесстыдный мостик повторяется дважды.
 Затем он берет тарелку из пластмассы,
 кланяется, глядя глазами хорька,
 желает вам выиграть в лотерее «Сизал»*.
 Затем — исчезает.
 Атомная цивилизация достигла вершины.

Перевод Бориса Слуцкого

* Так именуется в Италии футбольный тотализатор.

ОСТРОВ

Я богат лишь только сердцем
Поколенья моего.

Земля моя, люблю тебя я с грустью,
здесь аромат тяжелый апельсинов
и олеандров меркнет, растворяясь
в вечерних сумерках, в ночной прохладе,
и розы в путь берет с собой ручей,
покуда сам не достигает устья.

И если я вернусь на берег твой,
и если робко голос песни сладкой
меня окликнет на пути,— не знаю,
любовь ли мною движет, или детство,
иль, может быть, порыв к иному небу,
что б ни было, но вместо возвращенья
я прячусь средь затерянных вещей!

Перевод Леонида Мартынова

МОЯ СТРАНА — ИТАЛИЯ

Чем дальше дни уходят, растворяясь,
Тем ближе эти дни сердцам поэтов.
Вдали долины Польши и равнина Кутно,
Холмы горящих трупов в облаке из нефти.
А дальше — там, за проволочной сетью, — карантин...
Кровь среди отбросов,
И цепи расстрелянных у рва,
Который ими вырыт.
А дальше — Бухенвальд;
Проклятие его печам над нежной рощей бука!
И дальше, дальше. Дальше — Сталинград
И Минск среди чернеющих снегов.
Поэтам не дано забвенья.
О, толпы побежденных подлецов,
Прощенных милосердьем всеблагим!
Проходит все, но не торгуют мертвецами.
Знай, чужеземец — враг! Моя страна — Италия.
Пою ее народ и даже плач ее,
Приглушенный морским прибоем.
Прозрачно-ясный траур итальянских матерей
Хочу воспеть,
Чтоб славить жизнь Италии!

Перевод Г. Брейтбурда

